

**Отзыв официального оппонента
о диссертации Светланы Викторовны Пушкарёвой
«Онтологические и аксиологические концепты в творчестве Н.С.
Гумилева», работа представлена на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 «Русская
литература»**

Николай Гумилев всё еще остается terra incognita отечественного литературоведения, даже несмотря на то, что интерес к его творчеству в последнюю треть века не ослабевает. Причина тому понятна: в советское время опальный поэт был далеко на задворках академического изучения. Примерно тридцать лет назад началось возвращение поэта к массовому читателю. Тогда же начали появляться и первые отечественные научные работы о творчестве и биографии Гумилева. И всё же треть века – слишком маленький с исторической точки зрения срок, чтобы закрыть зияющие лакуны в научном осмыслении творчества одного из самых ярких поэтов Серебряного века. Эти слова справедливы и в отношении гумилевской поэтической концептосферы, поэтому оппонируемая диссертация выглядит крайне актуальным исследованием.

Вообще концептосфера – одна из тех универсалий, которая не только проливает свет на поэтику и эстетику того или иного автора, но и вскрывает глубинные смыслопорождающие механизмы его наследия, реконструируют особенности творческого мышления. Поэтому концептосфера – одна из тех тем, которую нельзя назвать узкой: слишком многие творческие аспекты связаны с ней. А значит, актуальность выбранной диссертантом темы представляется несомненной: именно особенности концептосферы позволяют лучше понять Гумилева как нетривиального художника слова.

Новизна работы обеспечивается, с одной стороны, полным и всесторонним анализом тех закономерностей, что обеспечивают единство, структурность и иерархичность гумилёвской концептосферы. С другой, всесторонним анализом ядра данной концептосферы, формирующимся вокруг таких концептов, как: «память», «слово», «любовь». Среди защищенных на

данный момент диссертаций о Гумилёве, насколько я знаю, есть лишь одна работа, которая частично совпадает с темой исследования С.В. Пушкаревой: это диссертация О.Е. Беспаловой («Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева в ее лексическом представлении»). Однако этот научный труд защищен по специальности 10.02.01 «Русский язык», поэтому здесь иной инструментарий, иные задачи, иные алгоритмы проработка материала. И всё же не вполне можно согласиться с С.В. Пушкаревой, которая на С. 11 отмечает: «целостные монографические исследования, посвященные изучению концептуальной картины мира поэта, отсутствуют». Вряд ли стоит отказывать труду О.Е. Беспаловой в целостности. На мой взгляд, следовало написать не «целостные монографические исследования отсутствуют», а «целостные литературоведческие монографические исследования». Хотя, возможно у диссертанта иная точка зрения.

В любом случае, это небольшое замечание никоим образом не умаляет новизны оппонируемой работы: перед нами действительно новаторское по постановке задач и по итоговым выводам исследования. Собственно, литературоведение в его диссертационном изводе, насколько мне известно, вообще еще не касалось такой темы, как «концепты» у Гумилева. Единственное исключение – диссертация Ю.Ю. Дмитриевой: «Концепт пути в творчестве Гумилева», но очевидно, что тема здесь гораздо более узкая, чем у С.В. Пушкаревой.

В целом же о гумилёвской концептосфере почти никто не писал, а даже если где-то и проскакивает в оглавлении понятие «концепта» (см. работы: Н.М. Ивановой «Религиозная лексика в лирике Н.С. Гумилева», Шанталиной Ю.А. «Речевая репрезентация мотива движения в поэзии Н.С. Гумилева: лингвокогнитивный аспект»), то речь идет об исследованиях в русле лингвистики.

Важный аспект новизны неразрывно связан и с теоретико-методологической значимостью оппонируемой работы. Дело в том, что С.В. Пушкарева скрупулезно восстанавливает не только множественность

значений ключевого термина, но и глубоко погружается в различные концепции, чтобы на основе синтеза выработать наименее дискуссионное теоретическое основание своего исследования: ведь термины «концепт», «концептосфера» в научной литературе понимаются по-разному. Причем, речь идет не только о теоретико-литературных изысканиях диссертанта, но и об историко-философских: С.В. Пушкарева всесторонне восстанавливает генезис употребления ключевого понятия. Достаточно указать, что диссертант даже обращается к наработкам медиевистики, например: «Термин “концепт” употреблялся и ранее в средневековых научных трактатах концептуалистов, написанных по-латыни» (С. 29).

Такая глубина проработки вопроса говорит о высоком теоретико-литературном значении работы, выходящем, кстати, даже за пределы литературоведения: теоретические выводы С.В. Пушкаревой, очевидно, будут продуктивны и при разработке теории концептов в других сферах гуманитарного блока: в лингвистике, культурологии, философии и т.д.

Таким образом, и на теоретико-методологическом, и на практико-аналитическом уровнях работа С.В. Пушкаревой представляет собой новаторское исследование, отвечающее на целый ряд вопросов гумилеведения, ранее остававшихся не только не рассмотренными, но иногда даже не заданными. Бесспорно прикладное значение исследования, результаты которого могут быть при разработке школьных и вузовских курсов по истории русской литературы (в первую очередь – Серебряного века).

Достижение поставленной диссертантом цели было осложнено тем, что поэтика Гумилёва – сложный поликультурный феномен, в котором причудливо сплавлены различные религиозные, эстетические, философские традиции. В этой связи отмечу богатейшую коллекцию научных апелляций С.В. Пушкаревой: здесь, помимо литературоведческих и лингвистических, есть работы и по философии, и по антропологии, и по мифологии, и по религиоведению, и по истории, и по психологии... Но именно такой синтетический подход, доминантой которого остаётся литературоведческое

начало, и является залогом успешного достижения поставленной диссертантом цели.

Но и это ещё не всё. Для теоретической значимости работы, для полноты итоговых выводов важным оказывается и то, что С.В. Пушкарева соотносит выводы, сделанные при анализе идиопэтики Гумилева, с национальной концептосферой – русской языковой картиной мира. То есть, диссертант выясняет, совпадают или не совпадают с национальной концептосферой воззрения поэта. Это тоже, как мне кажется, важный фактор состоятельности итоговых выводов: работа не замыкается в рамках гумилевской поэтики, сочетая имманентный анализ с вниманием к национальному смысловому контексту.

Но и не только к национальному. Историко-литературная состоятельность диссертации во многом обеспечивается обращением к тем традициям, которые нашли отражение в поэтическом мире Гумилева. Здесь диссертант сводит опыт предшественников в стройную систему, делает немало открытий. Среди находок отмечу, например, то, что С.В. Пушкарева первой соотносит классическое понятие «столпа поэзии» из средневековой арабской (и доисламской) эстетики и поэтики с названием ключевого сборника Гумилева: «Огненный столп». Тем более, что, как справедливо отмечает диссертант, поэт был увлечен творчеством персидских поэтов-мистиков: Гафиза, Саади, Хайяма, и намеченная связь кажется отнюдь не случайной.

Таким образом, диссертант мастерски апеллирует к множеству религиозных, идеологических, философских учений, к мифологии и антропологии, тем самым доказывая и многосоставность, и целостность поэтики Гумилева как взаимосвязанной системы концептов. В целом же отмечу основательность подхода С.В. Пушкаревой: материал исследуется скрупулезно и многосторонне, даются разные точки зрения, то есть работа исполнена внутренним диалогизмом, что всегда украшает научное исследование. Ведь действительно: образы Гумилева многомерны, поэтому

взыскуют и разнообразия трактовок. Такая вариативность толкований, очевидно входящая и в гумилевскую интенцию, – сильная сторона оппонируемого исследования. Причем, учет разных точек зрения, уход от прямолинейности в трактовках обеспечивает работе не только системность, но и хорошую верифицируемость. Поэтому оппоненту пришлось концентрировать свое внимание на мелких недочетах и дискуссионных местах. Как и любая новаторская работа, диссертация С.В. Пушкаревой не может не содержать их.

Начну с терминологии. В работе параллельно используются два термина: «экзистенциальные концепты» и «онтологические концепты» (см., например, С. 7) и даже бытийные концепты (С. 59), учитывая, что второе понятие вынесено в заголовок работы, оно приобретает в контексте исследования особое значение. В связи с этим возникает вопрос: эти термины чем-то обличаются друг от друга или они взаимозаменяемы (см. С. 59)? Если второе – то зачем использовать такую терминологическую синонимию?

Не раз в работе речь идет об особой гумилевской темпоральности: хронотоп поэта выстроен явно по мифологическим принципам, что диссертант справедливо подчеркивает. Например: «Мысль о сосуществовании времен “живыми волнами наплывающих друг на друга” находит завершение в “Заблудившемся трамвае”» (С. 18). Как эти представления, по мнению диссертанта, соотносятся с христианской концепцией эона? Один из ведущих исследователей акмеизма Л.Г. Кихней напрямую связывает симультанно-темпоральную («всевременную») акмеистическую концепцию с христианской философией эона. Лишь один раз, да и то бегло, в работе появляется «эоническое время». Но, может быть, эта концепция и есть ключ к особой гумилёвской темпоральности?

На С. 25. Вяч.И. Иванов назван «величайшим русским поэтом, филологом, философом и мыслителем», значит, не Пушкин – величайший поэт, и значит, Лотман, Лихачев, Бахтин (ряд можно продолжать) как

мыслители уступают Иванову? Всё это представляется как минимум спорным...

Для того, чтобы проиллюстрировать мысль: «Раньше него <земного Иерусалима> был построен Богом Небесный Иерусалим» используется цитата из апокрифического «Апокалипсиса Баруха» (С. 64). Неужели не нашлось по этому поводу цитат в Священном писании, то есть в канонических источниках?

На С. 96-99 речь идет об онтологической аксиологии Серебряного века. Диссертант подробно раскрывает теургические воззрения символистов. Возникает вопрос: какое отношение всё это имеет к Гумилеву? Не следовало ли гумилевскую аксиологию выводить из акмеистического, а не из символистского философского дискурса?

На С. 120 указывается, что гумилевский лирический герой «“сам для себя является змеей”, он есть и жертвующий, и жертвенный». Образ змея из гумилевского текста – транзитом через цитату из Вячеслава Иванова – соотносится с евангелическим образом Христа. При этом ранее отмечается: «Змея – женский символ, атрибут культа матери». Причем здесь Христос и «культ матери»? Не является ли поле трактовок слишком широким? У образа змея слишком много символических проявлений, вряд ли Гумилев в конкретном контексте хотел (да и мог) аккумулировать их все.

Есть и замечание по оформлению: то в цитатах дается косая черта, то нет. Хотелось бы единообразия.

Однако, несмотря на указанные замечания, достоверность результатов работы не вызывает сомнений, поскольку исследование базируется на солидной базе литературоведческих, лингвокультурологических, мифолого-антропологических исследований, авторитетных теоретических источниках. Диссертация насыщена множеством интересных наблюдений и концептуальных обобщений, неожиданных толкований и далеко идущих сопоставлений. Итоговые выводы имеют высокую степень научной обоснованности. Публикации и автореферат полно отражают основное

содержание работы. В целом же диссертация С.В. Пушкарёвой «Онтологические и аксиологические концепты в творчестве Н.С. Гумилева» является самостоятельным завершённым научным трудом, имеющим как теоретическое, так и прикладное значение. Оппонируемая работа вполне отвечает требованиям, изложенным в пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, в редакции от 28.08.2017), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор, Светлана Викторовна Пушкарёва, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

02.12.2019

Доктор филологических наук,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
управления персоналом факультета
государственного и муниципального
управления
Брянского филиала РАНХиГС
Гавриков Виталий Александрович

Гавриков
Виталий Александрович
Гавриков В.А.

Специальности, по которым оппонентом защищена диссертация:
10.01.01 – Русская литература,
10.01.08 – Теория литературы, текстология
Адрес места работы:
241007, г. Брянск, ул. Дуки, д. 61.
Раб.тел.: 8(4832)72-28-19
e-mail: gva@br.ranepa.ru